

А. М. ПАНЧЕНКО

Начало Петровской реформы: идейная подоплека

Резкая поляризация оценок Петровских реформ произошла при жизни преобразователя, сохраняется до сей поры и, вне всякого сомнения, будет иметь место и впредь*. Если искать некую равнодействующую, которая могла бы объединить и апологетов, и отрицателей, то ее позволительно усмотреть в признании за деятельностью Петра I качества революционности, толкуемой как прогресс и скачок либо как насилие над ходом вещей, неорганичность, зародыш культурного «двойничества» и соответственно непримиримого социального противоборства верхов и низов.

Показателен в этом смысле разговор А. С. Пушкина с великим князем Михаилом Павловичем¹, занесенный в дневник поэта 22 декабря 1834 г.: «Vous êtes bien de votre famille, — сказал я ему, — tous les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs»**. Пушкин метил прежде всего в Петра — и конкретно в Табель о рангах: «Если в дворянство можно будет поступать из других

* Суммарную характеристику отечественных и зарубежных трудов середины XIX — 70-х гг. XX в. см. в кн.: *Баггер Ханс*. Реформы Петра Великого: Обзор исследований. М., 1985. Идеи оппозиции и логику ее размышлений можно представить по кн.: *Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I по материалам Преображенского приказа. М., 1957; *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. С. 100 и сл. См. также статью: *Успенский Б. А.* Historia sub specie semioticae // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 286—292.

** *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 335 («Вы подлинный член вашей семьи <...> все Романовы революционеры и уравнители»).

сословий, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать или (что все равно) все будет дворянством». Табель о рангах тоже можно оценивать двояко: по-пушкински (уничтожая замкнутость дворянского сословия, она уничтожает, так сказать, его совещательную функцию, узаконивает деспотизм)* и по-петровски (она пролагает путь таланту, личной заслуге и, следовательно, делает проницаемыми социальные перегородки, пробуждает новые силы нации, побуждает ее к социальной мобильности). Как бы то ни было, коллизия Петра-реформатора и Петра-революционера (разумеется, «революционера сверху») остается донныне неразрешенной**.

Принято, впрочем, оговариваться, что преобразования (обнимаемые слишком общим и расплывчатым понятием «европеизация») начались задолго до самодержавного правления и даже рождения Петра. Но обаяние (положительное или отрицательное) этой личности столь сильно, что Петр считается как бы ответственным за сделанное при его отце, старшем единокровном брате Федоре и старшей единокровной же сестре Софье. Это несправедливо, несостоятельно исторически и в научном отношении неплодотворно.

* Ср. там же: «Говоря о старом дворянстве, я сказал: *Nous, qui sommes aussi bons gentilshommes que l'empereur et vous...*» («Мы, такие же хорошие дворяне, как император и вы...»). Пушкин рассуждал как европеец: на Западе знатность отождествляется с древностью рода. Пушкины, которые пошли от героя Невской битвы 1240 г. Гаврилы Алексича, по родословцам считающегося правнуком Ратши, действительно «не хуже» Романовых (они — из рода Андрея Кобылы, от пятого его сына Федора Кошки). Но по московским понятиям знатность — нечто иное: «В Московской Руси место человека на лестнице служилых чинов <...> определялось не только происхождением, но и сочетанием служебной годности и служб человека с учетом его родовитости, т. е. служебного уровня его “родителей”, родичей вообще, а в первую очередь его прямых предков» (*Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 103*). По «служебному уровню» Романовы превосходили Пушкиных. Но Пушкин был прав, обвиняя Петра в унижении дворянства. Так думали и современники преобразователя, ставя ему в вину «отменение в определениях и приговорах изречения “Государь указал и бояре приговорили”» (*Голиков И. Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 1. С. 3*) и характеризую это как деспотизм.

** См., например: *Raeff M. Peter the Great. Reformer or Revolutionary? Boston, 1963.*

Упрекая Петра за поощрение социальной мобильности*, его противники прежде всего имели в виду фаворитизм, кивали и на А. Д. Меншикова, и на П. П. Шафирова, и на Екатерину I (с ее заурядными родственниками, «графами» Скавронскими и Гендриковыми, которых, правда, императрица взяла ко двору лишь по смерти мужа). Но разве фаворитизм начался при Петре? Екатерину I «прообразовала» Наталья Кирилловна Нарышкина (впрочем, к венцу она шла девицей, а не вдовой и наложницей, как ее сноха). Нарышкиных гедиминович князь Борис Куракин, свояк Петра, называл «господами самого низкого и убогого шляхетства»**. Меншикову предшествовал Ф. Л. Шакловитый, курский, потом столичный подьячий, ставший по благосклонности Софьи окольничим и начальником Стрелецкого приказа и кончивший жизнь на плахе (с таким концом надлежит считаться всякому фавориту). Если искать истоки фаворитизма, незачем проводить «типологические параллели» с эпохой Ивана Грозного, незачем вспоминать Малюту² и Васюка Грязного. Отмена местничества в начале 1682 г., эта последняя государственная акция царя Федора Алексеевича, есть итог, симптом и катализатор социального брожения и неустройства, чьим уродливым порождением стал русский фаворитизм.

В наследство от предшественников Петр получил и «европеизацию», притом это было неоднородное и пестрое наследство. Оно создавалось усилиями двух поколений и «грекофилов» (Епифаний Славинецкий³, Евфимий Чудовский⁴), и «латинствующих» (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев⁵), и людей, которых трудно причислить к той или иной группировке. Кое-что в этом наследстве Петр сохранил и умножил. Таково, например, профессиональное секуляризованное искусство: элоквенция, силлабическая поэзия, музыка партесного стиля, театр (его Петру пришлось возрождать, ибо он был упразднен при воцарении Федора, видимо в связи с удалением от власти и ссылкой боярина А. С. Матвеева, правительственного театрального мецената). Таков феномен профессиональной интеллигенции: к 1690-м в Москве трудились десятки поэтов, живописцев, композиторов (среди последних — замечательно одаренный и пло-

* «Возводил на высокие степени без всякого различия с дворянами из низкого звания людей. <...> Определял к себе молодых людей без разбору же, благородных и неблагородных. <...> Тем молодым людям позволял осмеивать бояр, наблюдающих старинные обычай» (Голиков И. Деяния Петра Великого. Ч. 1. С. 1—2).

** Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 63.

довитый Василий Титов⁶, положивший на ноты «Псалтырь рифмотворную» Симеона Полоцкого). Такова регулярная школа — Славяно-греко-латинская академия, которой предназначалась роль питомника литераторов и богословов. Такова (это крайне важно) идея разрыва с прошлым.

Действительно, распри «грекофилов» и «латинствующих» не должны заслонять их духовного родства — прежде всего паразитической легкости, с которой они презрели московскую традицию. Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий ощущали себя соперниками (и передали соперничество ученикам). Это была не просто борьба за то, кому возглавлять новую интеллигенцию и «просвещение», это было состязание двух ориентаций (греко- и латиноязычной) и двух интеллектуальных типов: Епифаний был келейным тружеником, а Симеон — общественным деятелем. Первый довольствовался филологическими занятиями, переводами, вообще «приращением знания», второй стремился контролировать культуру. Достаточно прочесть составленную им академическую «Привилегию» (хотя она опубликована в позднейшей и смягченной редакции), чтобы представить, насколько жестким и жестоким предусматривался этот контроль. Любое уклонение от православия, всякая хула на него «от чуждоземцов и русских людей при пиршестве или во ином каковом ни буди месте, при достодолжных свидетелях» влекла за собой суд «блюстителя училищ с учителями»*, — не суд, а инквизиционный трибунал, который мог послать на костер. Епифаний смел заступаться за павших (как он заступился за поверженного Никона), Симеон был всегда с теми, кто пребывал у кормила власти.

Но для людей, не принадлежавших к новой интеллигенции, это состязание не было принципиальным. «Блюдитесь, правовернии, злых делателей: овчеобразные волки Симеон и Епифаний. Знаю я Епифана римлянина до мору, егда он приехал из Рима. <...> А Семенка чернец отголе же выехал, от римского папежа, в одну весну со мною, как я из Сибири выехал»**. Ошибется тот, кто решит, будто протопоп Аввакум не знал, что Епифаний прибыл из Киева, а Симеон из Полоцка. Для Аввакума оба они — «папешники», хотя в Риме не бывали. Нельзя отказать такому взгляду в резонности, так как «грекофильство» XVII в. — это лишь умеренная вариация западничества.

* Древняя Российская вивлиофика <...> изданная Николаем Новиковым. 2-е изд. М., 1788. Ч. 6. С. 417.

** Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 331.

Должно быть, и Петру разница между двумя группировками не казалась существенной (порука тому — его церковная реформа и его протестантская ориентация). Какое впечатление, например, могла произвести на него схватка между Евфимием Чудовским и Сильвестром Медведевым по поводу пресуществления святых даров, схватка прямо-таки смертельная (она стоила последнему головы), в которую были втянуты разные люди, от патриарха Иоакима до гетмана Мазепы, и которую прекратило лишь свержение царевны Софьи? Петр, бесспорно, был на стороне Евфимия, но лишь из-за близости Сильвестра к ненавистной сестре. Что до «правоты» спорящих, о ней для человека здравого смысла не могло быть и речи. Рассуждать о том, в какой именно момент на литургии совершается преложение хлеба и вина в тело и кровь Христовы, значило рассуждать о букве, традиции, логике текста — о чем угодно, только не о реальном духовном бытии. Современники из тогдашней элиты уподобляли спор о времени евхаристии «сикилийскому огню». Это уподобление лучше всего говорит о том, что мысли и слова элиты были бесконечно далеки от горького опыта расколотой Руси, озаренной не призрачными, а реальными кострами.

Церковный раскол — это, быть может, самая трагическая часть наследия, доставшегося Петру, и за раскол он во всяком случае не несет ответственности. Положение до крайности обострилось именно в правление Софьи. В великом посту 1685 г. были приняты пресловутые 12 статей против старообрядцев*. Смертная казнь, кнут, в лучшем варианте ссылка и «поток и разграбление» — вот смысл этого неслыханного по жестокости указа. Притом он не принадлежал к столь характерному для России разряду узаконений, рассчитанных на устрашение, а не на педантичное и неукоснительное исполнение: по достоверным данным, до пасхи в Москве было сожжено около ста человек (по обычаю в срубях). И тотчас в стране вспыхнула религиозная война.

Кое-где она шла по тем же правилам, что и войны католической Лиги и евангелической Унии: друг другу противостояли вооруженные отряды, строились крепости (например, на реке Медведице), одни их защищали, другие брали приступом и т. п. Так было на Дону, на Куме и в других казачьих областях**. Но

* Акты, собранные <...> Археографическою экспедициею... СПб., 1836. Ч. 4. № 284. С. 419 и сл.

** См.: *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. München, 1970. С. 415—424.

для Руси — это чужие правила. Их надлежит считать исключением. Многие бунты XVII—XVIII вв. (стрелецкое восстание 1682 г., движения Булавина, Пугачева и др.) имеют некий религиозно-старообрядческий оттенок, но он явно вторичен. Бунтовали все-таки не за веру, а за волю, за справедливость. В этой связи показательно, что в июле 1682 г. фактически владевшие Москвой стрельцы позволили царевне Софье казнить священника Никиту Добрынина-Пустосвята, только что «перепревшего» в Грановитой палате патриарха Иоакима. Так окончилась последняя попытка реставрировать дониконовский обряд.

Как же реагировали старообрядцы на 12 статей 1685 г.? Часть из них ответила на угрозу и практику насильственных смертей смертью добровольной*. Особенно поразили современников олонецкие гари. В 1687 г. соловецкий дьякон Игнатий с толпами чающих «огненного крещения» берет приступом Палеостровский монастырь (он считался вожделенным местом «самоизвольного» мученичества, ибо в нем, по преданию, окончил свои дни первый страдалец за старую веру епископ Павел Коломенский⁷⁾) и устраивает там грандиозное самосожжение. Полагают, что тогда погибло до двух с половиной тысяч староверов. Спустя полтора года — новое взятие Палеостровской обители и новое самосожжение, на сей раз с полутора тысячами жертв. В эти же годы под Каргополом сжигается около пятисот ревнителю древлего благочестия, сто человек — близ Тюмени. Много, очень много было больших гарей, но еще больше одиночных, семейных, соседских, деревенских. За все семь веков, протекших со времени христианизации, Русь не знала столько пострадавших за веру, включая признанных церковью и святыми, и еретиками, сколько их появилось за первые десятилетия раскола. Он дал материал для первого русского мартиролага, «Винограда Российского».

Легче всего списать это на мрачный фанатизм, тем более что консервативное старообрядчество осуждало своих радикальных единоверцев. Пусть дело касалось меньшинства — не только в рамках нации, но и в рамках не принявшего никонианства населения (оно составляло от четверти до трети великороссов). Но каково было Петру, которому предстояло управлять самоистребляющейся страной?

Что до старообрядческого большинства, то оно было вынуждено покинуть города, прежде всего столицу. Старообрядцы

* См.: Сапожников Д. И. Самосожжение в русском расколе. М., 1891.

ударилась в бега. Они бегут на Север и в Сибирь, в русские «пустыни», которые всегда отождествлялись с лесами, «пустыми» от людей. Они бегут и за рубеж — на Кубань и Северный Кавказ, «под руку» крымского хана и кабардинских князьков, но прежде всего в пределы Речи Посполитой, в Невель и на Ветку. На тульской и калужской дорогах заставы перенимают «многих людей», в частности стрельцов, которые надевали «для тайного проходу кафтаны сермяжные, и иное такое платье, чтобы их не познали»*.

Впрочем, заставы плохо помогают. Дело в том, что тяга к перемене мест охватила и лояльных в конфессиональном отношении подданных. Социальное неустройство породило во второй половине XVII в. ряд географических утопий — о Мангазее, «серебряных и золотых островах», о Даурии, о богатом острове на «Восточном океане», потом о Беловодье**. Целые сибирские села и остроги исчезали неведомо куда. Петр получил не только самоистребляющуюся, но и разбегающуюся страну.

Скитальчество и «шатание меж двор» становятся и бытовыми, и литературным стереотипом. Это касается самых разных слоев общества: европеизированной элиты (Симеон Полоцкий, получивший прозвание по месту рождения, учился в Киеве и Вильне, потом учительствовал опять же в Полоцке, а последние шестнадцать лет жизни провел в Москве), старообрядцев (неуловимый игумен Досифей⁸ бывал в Поморье и на Дону, появлялся в Москве, а умер на Куме, на землях тарковского владельца), «среднего человека» (Савва Грудцын и молодец из «Горя-Злочастия» — персонажи-скитальцы). Даже старообрядческая оседлость (Выго-Лексинское общежительство, Керженец) — особого рода. Она исходит из ощущения отверженности и особенности, из стремления создать «государство в государстве», некую новую Фиваиду в чуждом и враждебном отечестве, поправшем заветы отцов.

Не случайно ментальность сочинений 1680—1690-х гг. можно означить словами мятеж и вражда. «Волны и твердь», волны и ладья, пучина волн и корабль, яростное море и «самодержавство», буря и нечто, противостоящее ей, — так о России, о ее внутривластном (а не внешнеполитическом) состоянии <...> раньше не писали. Придворные авторы конца XVII в. испытывали ощущение глубокой разделенности русского общества

* Цит. по: *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. С. 430.

** См.: *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. С. 11.

<...> С конца 1680-х годов представления авторов о раздробленности общества усугубились; в России, судя по авторским высказываниям, ссорились все со всеми: «...начаша люди зело ради неправд и нестерпимых обид себе стужати и друг на друга глаголати, яко той неправду деет, иный на того, наипаче же на временников и великих судей и на начальных людей» <...> «сло-весы ласкаем, но дела снедаем всех люте» <...> «паче день дне и час часа <...> между духовными и мирскими людми то умно-жают» *.

Ментальность литературная есть лишь выражение ментальности эпохальной и национальной. Если когда-нибудь напишут историю русского пессимизма, канун Петровских реформ составит в ней одну из самых весомых глав. Петру досталась держава, пребывавшая в состоянии духовного кризиса и даже над-рыва. Надлежало искать выход — и прежде всего в сфере идей. Полагаться на церковь не приходилось: у нее в отличие от като-лицизма, не было опыта борьбы с мощной религиозной оппози-цией. Русские еретические движения (стригольничество, «жи-довствующие» и т. д.) — это всего лишь эпизоды, не идущие ни в какое сравнение с Реформацией.

Нельзя было полагаться и на практику «латинствующих». Они ориентировались на контрреформацию, и 12 статей 1685 г. совпали по времени с допущением иезуитов в Россию. (Напо-ним, что как раз в 1685 г. и тоже под влиянием иезуитов Лю-довик XIV отменил Нантский эдикт, следствием чего была эмиграция сотен тысяч гугенотов; если это и совпадение, то совпадение симптоматичное). Конечно, контрреформация при-бегала не к одним карательным мерам. Ее оружием было и убеждение, и «латинствующие» этим оружием пользовались. Начиная со «Скрижали», составленной Симеоном Полоцким, все они пишут трактаты, в которых доказывается вероучи-тельная и культурная несостоятельность старообрядчества. Из-гнание иезуитов в 1690 г. нимало не повлияло на количество и качество таких трактатов. При Петре на этой ниве усердно под-визались Стефан Яворский и особенно Димитрий Ростовский, чей «Розыск о раскольнической брынской вере» заслужил ре-путацию классического пособия по теме.

Вряд ли эта репутация справедлива. Может быть, кто-то из читателей «Розыска» и вернулся в официальную церковь, убежденный доводами Димитрия Ростовского, но таких читате-

* Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков: (Об-щественные настроения). М., 1985. С. 229—232.

лей не могло быть много. Самый стиль богословствования, которому учили в Киево-Могилянской академии, глубоко чужд великорусской традиции. «Школьно-богословская эрудиция русских латинских школ XVIII века изнутри церковной жизни и быта воспринимается (и не без достаточного основания) как нечто внешнее и ненужное, не вызванное органическими потребностями самой церковной жизни. <...> Заодно с эрудицией перенималась и психология, «реформировался» и самый душевный склад. В этом чуть ли не самая мощная причина <...> недоверия и <...> упрямого равнодушия к богословской культуре. <...> В этом причина и <...> отношения к богословской науке как к иностранному и западному изобретению, навсегда чуждому для православного Востока»*.

Древняя Русь не знала схоластики и не произвела спекулятивных (в строго логическом смысле) «сумм», подобных «сумме» Фомы Аквинского⁹. Россия петербургского периода, напротив, создала бесчисленное множество профессиональных теологических сочинений. Но это скорее диссертации, нежели труды. Не случайно в XIX в. из русских духовных школ вышло многое множество вольнодумцев, атеистов и революционеров: семинарская премудрость, как и столетие назад, повергала учеников в «скуку» и даже в «скорбь», т. е. повреждение рассудка**. Не случайно имевшие успех русские богословы — не профессионалы (А. С. Хомяков¹⁰, Ю. Ф. Самарин, В. С. Соловьев): Россия привыкла богословствовать и философствовать в формах художественных.

Европейская ориентация Петра была иной, нежели у «латинствующих». Они были гуманитариями, он — практиком; они культивировали Слово, Петр культивировал Вещь***. В практицизме Петр также имел предшественника — упомянутого выше А. С. Матвеева, воспитателя царицы Натальи Кирилловны. О его интересах можно судить по библиотеке****, которая разительно отличается от частных библиотек той поры — кн. В. В. Голицына, Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева. «Бросается в глаза <...> большой процент книг по естествен-

* Флоровский Г. В. Пути русского богословия. 3-е изд. Париж, 1983. С. 101—102.

** Там же. С. 102.

*** См.: Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 183—191.

**** Опись ее см.: Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 69—74.

нонаучной тематике и технике. Здесь имелись книги по архитектуре, садово-парковому делу, включая и чертежи <...> географии, космографии, минералогии, медицине, военному делу»*. Преемственность налицо. Она, кстати, была как бы закреплена символически: во время бунта 1682 г. десятилетний Петр держал Матвеева за руку, стрельцы растащили их и бросили только что вернувшегося из ссылки боярина на копьё. Возможно, к Матвееву восходит в той или иной мере идея «труженика на троне».

Практицизм — это мировоззрение, нуждающееся, как и всякое мировоззрение, в идеологическом обосновании. На практике отношение к старообрядцам смягчается тотчас после свержения Софьи**. Правительство ведет компромиссную политику, отказывается от «проведывания» раскольников. Хотя 12 статей не отменены (их оставила в силе и комиссия, работавшая в 1700—1703 гг. над дополнениями к «Уложению», тогдашнему своду законов), но это лишь форма. Число самосожжений резко падает. Некоторые беглецы возвращаются из-за рубежа. Расцветает Выго-Лексинское общежительство. Когда в 1702 г. царь по дороге из Архангельска оказывается на Выгу, там было приготовились к бегству и к «огненной смерти», но Петр пообещал выговцам своего рода конфессиональную автономию — и сдержал слово. Этот компромисс длился четверть века, если считать с 1690 г.

Какие европейские идеи питали компромисс? Мы видели, что их не могли дать ни «грекофилы», ни «латинствующие». Они избрали путь репрессий — путь Якова II Стюарта¹¹ в Англии и Людовика XIV во Франции. Русские «проведывания» вполне сопоставимы с французскими драгоднами 1680-х гг.

Но реакция всегда вызывает сопротивление, и в эти годы на Западе разворачивается борьба за веротерпимость***. Очагом этой борьбы становится Голландия, в ту пору самая свободная (при всех оговорках) страна Европы. Два замечательных мыслителя, евангелисты француз Пьер Бейль¹² и англичанин Джон Локк, оба эмигрировавшие в Голландию, издавали здесь сочи-

* *Луннов С. П.* Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 105.

** См.: *Nolte Hans-Heinrich.* Religiöse Toleranz in Russland. 1600—1725. Göttingen etc., 1969. S. 143—147.

*** См.: *Ogonowski Zòigniew.* Problem tolerancji w Europie w drugiej polowie XVII wieku: Arianie polscy — Bayle — Locke // *Wiek XVII — Kontrreformacja — Barok* / Red. Janusz Pelc. Wrocław etc., 1970. S. 255—274.

нения по проблемам толеранции. Исходные их послышки общи: это, во-первых, признание примата государства по отношению к любой действующей на его территории Церкви как сообщества верующих; это, во-вторых, признание примата морали над доктриной в оценке всякой религиозной деятельности. Обратимся к Локку (его взгляды, как мы вскоре увидим, нашли в России живой отклик), к знаменитой его «Эпистоле о толеранции», которая, кстати, была написана в приснопамятном для французских гугенотов и русских старообрядцев 1685 г., а опубликована четырьмя годами позднее*.

Локк провозглашает, что у церкви и государства разные цели и соответственно разные обязанности. Церковь заботится о спасении душ верующих, т. е. о вечности, государство же — о земном бытии своих сочленов и подданных, т. е. о их процветании и безопасном общежитии. Если некое культовое сообщество становится помехой этому, государство вправе (и даже обязано) вмешаться. Но каковы пределы этого вмешательства?

Согласно Локку, оно недопустимо по отношению к религиозной «спекуляции», к догматическим умозрениям, а также к ритуалу, ибо все это внеположно человеческому общежитию. В самом деле, кому может помешать признание или непризнание католического чистилища, а для русских условий — служба на семи или пяти просфорах либо хождение «посолоньи»? Локк выделяет еще один мировоззренческий раздел — «ни хорошие, ни дурные» убеждения, так сказать, нравственно нейтральные, касающиеся, например, брака и развода, воспитания и обучения детей. Они так или иначе влияют на поведенческие структуры, и если государство находит это влияние вредным, оно обязано прибегнуть к принуждению. Есть также взгляды, которые светская власть вправе оценивать отрицательно. Таковы проповедь нелояльности, призывы не подчиняться закону и проч. Здесь насилие неизбежно.

Какими средствами располагает государство (речь не идет о карательных мерах, а о мировоззренческом принуждении)? В его силах запретить распространение признаваемых пагубными взглядов — или же заставить отречься от них. Локк высказывается за первое и безусловно исключает второе. Отречение от убеждений — всегда вынужденный шаг, всегда притворство. В результате общество будет поражено своего рода нравствен-

* О изданиях и интерпретациях «Эпистолы» см.: Там же. С. 268—272.

ной шизофренией, станет обществом лицемеров, ханжей, циников, чьи слова не соответствуют убеждениям и делам.

Провозглашая терпимость по отношению к различным догматам и культам. Локк делает исключение для атеистов (с его точки зрения, вера и нравственность тождественны, как тождественны безверие и безнравственность) и католиков, «папистов»: они исходят из постулата об истинности только собственной конфессии, они нетолерантны к инославным и иноверным исповеданиям, они подчиняются папе, который не признает зависимости католиков от государств, где они пребывают.

Была ли известна концепция Локка в России? Справедливо ли общепринятое мнение, что Петр и его окружение находились под влиянием более ранних идей «естественного права», под исключительным влиянием Г. Гроция и С. Пуффендорфа? Обратимся к переводной рукописи начала 1720-х гг. из библиотеки кн. Д. М. Голицына: «Всяк человек должен знать, как ему надобно жить в собрании гражданском, житием мирным, покойным и безмятежным, по законом натуральным; потому что в том состоит все нравоучение. <...> Многия о сей материи писали в древних временах, писали и в нынешних, и нынешния писатели древних превзошли и нравоучение изъяснили и утвердили. Таков был Гуго Гроциус, который оставил по себе “Право мира и войны”. Господин Пуфендорф написал две книги: первая “Право людское и натуральное”, вторая “Должности человека и гражданина”. Оныя два писателя почитаются как основатели нравоучения и гражданства. Потом писали и многия, но между собою несогласно. Никто не спорит, что нравоучение и житие гражданское в двоякой должности состоит: первая — должность человека самого к себе; вторая — должность ко всякому человеку. Первой должности основание — “Знай себе”, другой — “Чего себе не хочеш, того никому не делай”. <...> Здесь господин Лок (которой родился в Англии, в городе в Ринктоне (так!), неведомо которого году, толко ведомо, что крещен 29-го августа 1632 года; умер 28-го октября 1704 году) объявил на свет сию книгу 1690 году, и предлагает о гражданстве свое рассуждение, соединяя оная разная мнения во одно, и показывает начало и основание гражданства кратко и порядочно, но все по резону» *.

Дальше, после оглавления, следует трактат «Правление гражданское. О его истинном начале и о его власти, и ради че-

* ГПБ, Ф. П. 41, с. 1—2 (в рукописи — постраничная пагинация XVIII в., арабскими цифрами).

го»*. Это — вторая часть знаменитого трактата Локка «О государственном правлении», изданного анонимно в Англии в феврале 1690 г.** Как видим, в сознании образованных людей Петровской эпохи выстраивалась триада Гроций — Пуффендорф — Локк, притом последнего не только читали, но и почитали. Но это — 1720-е гг., а как обстояло дело на рубеже столетий?

Петр был первым русским царем, который покинул Россию и отправился в западную школу. «Посылка сия и намерение, воспринятое монархом, отлучиться из России в иностранные земли, принята была подданными с величайшим негодованием, яко дело не только никогда не бывалое, но и яко противное закону прежних государей и закону божию; а духовенство не оставило то объяснить и из Священного Писания, в коем возвращалось израильскому народу иметь сообщение с иноплемениками, и что странствование людям Нового Израиля в еретические земли, яко противное закону божию, нанесет повреждение вере и православному закону»***. «Намерение» так потрясло старозаветных современников, что иные из них «положили убить государя»**** (имеется в виду заговор И. Цыклера). Цели Петра были не ясны современникам. Цели эти были забыты потомками, создавшими миф о «царе-плотнике», — миф, остающийся действенным до сей поры.

Между тем Петр не только работал топором на Саардамской верфи, он знакомился с культурной ситуацией, он ездил «за идеями». Выбор Голландии, вне всякого сомнения, был сделан под влиянием «великого посла» Франца Лефорта, выходца из семьи женевских патрициев, кальвиниста, женатого на католичке. Напомним, что в Голландии Петр основал русскую типографию. Иначе говоря, царь поступил в соответствии с эмигрантским стереотипом поведения: для идеологов всех толков Голландия была притягательна прежде всего как страна свободного книгопечатания. Пусть книги, выпущенные в этой типо-

* О других списках (один из них принадлежал А. Ф. Хрущеву, сподвижнику А. П. Волынского) см.: *Николаев С. И.* Ранний Тредиаковский: (Первый перевод «Аргениды» Д. Баркляя) // Русская литература. 1987. № 2. С. 98.

** «Трактат Д. Локка “О гражданском правлении” на русском языке печатается впервые» (*Локк Д.* Избранные философские произведения: В 2 т. М., 1960. Т. 2. С. 493). Как видим, «птенцы гнезда Петрова» были с трактатом знакомы, хотя и в рукописи.

*** *Голиков И.* Деяния Петра Великого. Ч. 1. С. 282—283.

**** Там же.

графии, по содержанию мелки*. Но у них есть важная и общая черта: это книги светские (следовательно, амстердамская типография противопоставляется московскому Печатному двору, находившемуся в ведении патриарха Адриана); это книги многоязычные, утверждающие равноправие латыни, сакрального языка католиков, и национальных языков евангелистов. «Вмешательство» в традицию московского книгопечатания сам Петр считал первой своей реформой**. Напомним также, что в Роттердаме Петр обратил внимание на статую Эразма¹³, которого в Европе считали «отцом» терпимости и свободомыслия.

Кстати, незадолго до этого именно в Роттердаме подвизался и Локк. Именно здесь он сблизился со штатгальтером Вильгельмом III Оранским, который в 1688 г. изгнан из Англии Якова II, врага Локка. Девизом этой инвазии были слова «за религию и свободу», а первым декретом нового британского монарха — декрет о веротерпимости (опять-таки исключая католиков). 11 февраля 1689 г. Локк ступил на родную землю. Он прибыл сюда на одном корабле с королевой-соправительницей Марией II. С 1696 г. Локк был комиссаром по делам торговли и колоний (он ушел на покой в 1700 г.). Быть может, Петр и Локк были лично знакомы. Во всяком случае царь не мог не слышать о философе, друге короля. 10 марта 1702 г. один иезуит (скрывавший, естественно, свою принадлежность к ордену) писал из Москвы: «Некоторые пришельцы из Англии и Голландии пытались ввести здесь преподавание философии Декарта¹⁴ и какого-то Локка, и некоторые из здешних, хотя не понимали дела, но были увлечены и тем, что им расхвалили их, и как новинкой; однако бог послал нам счастливый случай сойтись с ними, к чему подстрекал и один вельможа. Прежде всего они восстали против схоластических терминов и аргументации. <...> Что касается Локка, то я в нем вижу скорее атеиста, чем философа. Милосердный боже! Каких чудовищ сюда часто привозят! Другой сочинитель привезен из Голландии; он кроме других ве-

* См.: *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 10—26, 521—529.

** Вот запись, касающаяся первых шагов по возвращении в Россию (1699 г.): «Того же году исправлена друкарня в чистоте печати, и начали многия книги переводить и печатать (в воинских делах), инженерская, (фортификации), артилериские, механические и протчих художеств, также и исторические и календари» (*Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 115). В скобках — слова, собственноручно зачеркнутые Петром.

щей упорно защищает физическую истину о стоянии Солнца и подвижности Земли» *.

Значит, Локком и его идеями живо интересовались в Москве. Любопытно, что иезуит вообще его не читал: в латинском оригинале письма имя философа передано как *Losque* ** (нужно *Locke*). Видимо, иезуит считал его французом, поскольку Локк представлял как последователь француза Декарта. Книги проповедника веротерпимости (как и его коллеги Бейля) представлены в библиотеках сподвижников Петра ***.

Идеи не всегда совпадают с государственной практикой. Более того, она часто деформирует их до неузнаваемости. В этом смысле Петровская эпоха — не исключение. Никто не отважится назвать ее эпохой терпимости. Многозначительно, однако, что первое непосредственное соприкосновение Петра с Западом было и соприкосновением с самыми передовыми и самыми благородными идеями. Их влияние (пусть искаженное) ощущается в церковной реформе Петра. О ней пойдет речь в специальной работе.

* Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. С. 100—101.

** Там же. С. 291.

*** Библиотека А. А. Матвеева: Каталог. М., 1985. № 580. С. 136 («Опыт о человеческом разумении» Локка, изданный во французском переводе в Амстердаме в 1700 г.; книга куплена А. А. Матвеевым в Лондоне в 1708 г.); № 210. С. 61 (трехтомный «Исторический и критический словарь» Бейля в амстердамском издании 1702 г.).